

Групповая религиозная идентичность и практики повседневности: социологическое измерение конфликта

Д. А. Овчаров

(ЭНГЕЛЬССКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

В статье проводится анализ конфликта соответствия групповой религиозной идентичности повседневным практикам.

Ключевые слова: базовые ценности, религиозная идентичность, повседневные практики, духовность, религиозность, тезаурус, конфликт соответствия.

Интерпретация статистических данных социологических исследований, особенно в области исследования феномена религиозности, делает возможным проявить когнитивные инварианты — устойчиво существующие на различных уровнях человеческого взаимодействия ценностные и нормативные наборы, выступающие критериями в процессе целеполагания и планирования (Разумовский, 2000), проявляющие себя в общих тенденциях современного социума. Лонгитюдные наблюдения дают уникальную возможность проследить устойчивость когнитивных инвариантов, сопоставить влияние внешних факторов с активностью их проявления. При этом количественные показатели, полученные на репрезентативных выборках, нуждаются в соотнесении с состоянием общества, которое доступно исследователю через анализ повседневности. Когда в центре внимания находится само общество, наличие когнитивного инварианта и активность его проявления становятся важными параметрами для проведения качественного анализа наблюдаемых общественных явлений.

Общественный дискурс о необходимости противостояния ценностям общества потребления как бездуховным, интерес к христианским святыням, с одной стороны, и ожесточенная полемика о введении курса «Основы православной культуры» в средней школе, клерикализации и свободе совести в России — с другой, указывают на поиск путей духовного возрождения, в котором будет доминировать либо религиозное, либо сугубо светское понимание духовности.

Светское понимание духовности, схематично отраженное в Моральном кодексе строи-

теля коммунизма¹, кажется, утратило свои позиции, уступив пониманию религиозному. В период с 1990 по 2009 г. доля россиян, заявивших о своей вере в Бога, как установил ВЦИОМ, увеличилась почти в три раза — с 25 до 73%. Фактически социологический мониторинг зафиксировал мировоззренческую революцию, «взрыв».

Если оставить цифры и представить себе масштаб данного явления, то можно сказать, что в каждой российской квартире живет православный христианин — человек, знающий основы христианского учения, разделяющий общехристианские принципы и практикующий духовные практики по православному обряду. Используя специфический религиозный термин, можно сказать, что мы имеем дело с пробуждением. Здесь уместно применение прямой метафоры: пробуждение означает, что человек провел прошлые годы жизни с закрытыми глазами, словно во сне. В религиозном контексте этот термин означает массовое обращение к вере, сопровождаемое массовым применением содержания религиозного учения на уровне повседневных практик (Робертс: Электр. ресурс).

В качестве одного из признаков религиозного пробуждения можно назвать руководство религиозно-нравственным законом в повседневной жизни. В соответствии с этим критерием становится очевидным, что в современной России мы имеем дело с иным, нежели пробуждение, феноменом. Всплеск религиозности — лишь результат некорректной интерпретации данных социологических опросов Левада-центра в 2009 г., проявился он только у тех респондентов, которые на вопрос «После-

дователем какого мировоззрения или религии Вы себя считаете?» выбрали один из нескольких вариантов ответа — «православие».

При этом, по данным тех же опросов, в 2009 г. собирались поститься в Великий пост, т. е. готовиться к Пасхе, следуя православной традиции, всего 7% респондентов. В аналогичном исследовании 2008 г. эта цифра была скромнее — всего 4%. По данным исследования А. А. Голова, посвященного выявлению уровня религиозности, только треть опрошенных не сомневаются в существовании Бога, 11% видят в религии путь спасения и обретения вечной жизни, а треть респондентов уверены, что религия выступает хранителем моральных норм повседневности, при этом почти четверть респондентов не видит в религии никакой ценности (Голов, 2008: Электр. ресурс).

Таким образом, мы имеем все основания предположить, что понимание религии как процесса, связывающего человека и высшие силы на пути к обретению спасения, присутствует у людей, вовлеченных на уровне повседневности в религиозные практики. Учитывая, что термины «путь спасения» и «вечная жизнь» непосредственно связаны с основами христианского вероучения, лишь каждого десятого россиянина можно назвать христианином. Подобный вывод основан не только на статистических данных, но и на исследовании индивидуального тезауруса — описания системы знания о действительности, в которой данный индивид существует.

Любой опыт человека, отраженный в его автобиографической памяти, описывается в терминах соответствующих ситуаций (Нуркова, 2000). С их помощью человек строит понятную ему атрибутивную систему социальной реальности, планирует свое будущее, оценивает свое прошлое. Если в тезаурусе нет соответствующего слова, то оно должно появиться, схематизируя данный факт для последующего узнавания и восприятия. Факт социальной реальности можно считать осмысленным и усвоенным, если существует описание данного факта с помощью слов.

По мере усвоения социального знания, приобретения личного опыта, получения общих и специальных знаний человек становит-

ся способным не просто модифицировать свое поведение, но и полностью, коренным образом его перестроить. Нам представляется, что изменение нормативно-ценностного содержания личности, проявляющееся через изменение используемых речевых конструкторов — описательных схем представления окружающей реальности, способно повлиять на изменение стиля поведения, планирования, оценки прошлого и как следствие — жизненного результата. Содержание тезауруса находится в основе регуляции поведения человека. Изречение царя Соломона «Каковы мысли в душе его, таков и он» говорит о влиянии образа мыслей на целеполагание.

В нашем понимании христианин — это человек, сознательно вступивший на путь следования за Христом, т. е. полностью определившийся в направленности своих отношений с Богом, считающий библейское объяснение происходящих явлений приоритетным, разделяющий фундаментальные положения учения Церкви, с которой он находится в тесной связи. Подобное понимание следует из библейского содержания понятия «церковь», предписываемого отношения индивида к окружающим, и в том числе к государству, библейского понимания Бога и Его планов для человека (Экман, 2002).

Самоидентификация человека как православного не позволяет нам говорить о его религиозности, вере, воцерковленности, пока мы не получим ответ на вопросы, открывающие наличие у него ценностей, присущих православному христианину. Создатели фильма «Азбука православия» (реж. А. Дадыко, 2007) утверждают, что в России из 80 млн человек, определивших себя как православные, всего 2 млн знают молитвы, читают Библию и участвуют в церковной жизни. Словом, это те, кого в Русской православной церкви называют прихожанами. Остальные 78 млн являются «захожанами», или «не практикующими христианами», т. е. теми, о которых не так просто сказать, что они — верующие. Если человек, будучи христианином, не посещает церковь, то в этом он становится тождественным человеку, который не посещает церковь, будучи атеистом.

Мы убеждены, что в научном дискурсе о религиозности особое внимание следует уделять содержательному наполнению операциональных понятий, таких как «уровень религиозности», «степень вовлеченности в религиозные практики», для того чтобы дополнять большие массивы количественной информации качественными наблюдениями за особенностями индивидуального сознания акторов. Присутствующая в представлении россиян убежденность в том, что достаточным условием для веры является признание существования Бога, вступает в противоречие с библейским определением веры: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Служа опорой, вера становится предпосылкой для достижения целей, ею продиктованных.

В исследовании, посвященном выявлению базовых ценностей россиян, вера — как ценность — оказалась только во втором десятке, уступив «безопасности», «здоровью», «семье», «достатку», но оказалась предпочтительней «независимости», «труда» и «справедливости». На последних местах оказались такие ценности, как успех, сотрудничество и, как ни странно, убеждения (видимо, потому, что они имеют свойство изменяться) (Рябов, Курбангалеева 2003: 337). Вера в качестве ценности, значимой для страны в целом, оказалась в третьем десятке, опередив, однако «порядочность», «покой» и «семью» (там же: 339).

Вместе с ростом числа россиян, самоидентифицирующих себя как православных, растет число неуверенных в том, что в учении Церкви содержатся ответы на вопросы, генерируемые повседневным планом бытия человека. За период с 1991 по 2005 г. число людей, уверенных в неспособности Русской православной церкви дать ответ на вопросы о морали, увеличилось в 2,7 раза — с 10 до 27%, о проблемах семейной жизни — увеличилось с 21 до 44%, о духовных потребностях — почти в три раза, с 7 до 20%, о современных социальных проблемах — вдвое, с 29 до 58% (Фурман, Каамайнен, 2006).

Таким образом, мы имеем все основания предположить, что присутствующая дивергенция между православной самоидентификацией и содержательной компонентой установок и ценностей россиян указывает на иной,

нежели религиозный, смысл понятий «православный» и «верующий» в современном обществе. В данный момент доминирует «народное» понимание религии.

Исследуя феномен религиозной самоидентификации, необходимым, на наш взгляд, является определение механизмов генезиса данного явления, его движущих процессов. Идентифицируя себя, человек декларирует тождество между собой и индивидом, группой, общностью, имея в виду общий для них набор ценностей, представлений, поведенческих паттернов. Но, как было показано выше, субъект идентификации подобным набором не обладает. Следовательно, мы можем предположить, что идентификация в данном случае, лишаясь своей социологической дефиниции, приобретает дефиницию психологическую, выступая уже как механизм психологической защиты личности (Фрейд, 1993). Само по себе включение механизмов психологической защиты личности говорит о наличии ситуации, несущей угрозу для структур личности, возникающем конфликте соответствия представлений о том, как должно быть, и фактическим результатом.

Если какие-либо переживания вступают в противоречие с представлениями о себе, то они либо отрицаются, либо искажаются при осмыслении до приемлемого вида ради сохранения неизменного представления о себе. Именно стремление каким-либо образом устранить источник внутриличностного конфликта, на наш взгляд, побуждает респондентов идентифицировать себя с христианством, следуя стереотипам исторической памяти.

«Культурное давление» со стороны религиозных институтов и кризис доверия общественным институтам, в том числе религиозным, образуют ситуацию, травмирующую личность. «Культурное давление» выражается в стремительном насыщении пространства повседневности религиозными и псевдорелигиозными символами. Присутствие высших должностных лиц государства на религиозных службах, «битвы экстрасенсов» и пр. насыщают телевизионный эфир. Почти обязательным становится приглашение в медийные проекты в качестве экспертов священнослужителей.

По нашему мнению, представления о себе как о верующем, в частности православном, укоренены в этнических представлениях индивида, поэтому любая информация, представляющая его неверующим, отвергается или искажается при рационализации как угрожающая его этничности. Этнорелигиозная компонента наглядно проявляется при изучении содержания восприятия бинарных оппозиций «свой — чужой» (Ожегова, Овчаров, 2009: 15–21).

Для проверки этой гипотезы мы провели пилотажное исследование на основе случайной бесповторной выборки жителей г. Саратова (N = 100) (Овчаров, 2009: 396–402). Исследование было ориентировано на выявление степени доверия различным социальным институтам и религии как социальному институту. Предполагалось установить корреляцию между самоидентификацией «верующий» и нормативными источниками личности. Для этого в полуструктурированном анкетном опросе дополнительно использовалась интерпретативная проективная методика для выявления отношения к науке, СМИ, политике, религии.

Данная методика была выбрана потому, что позволяет обойти стереотипные личностные установки респондентов (например, такие как «За Веру, Царя и Отечество», «Православие. Самодержавие. Народность», «русский-православный», «коммунист-атеист», «не русский-мусульманин/буддист/иудей») и выявить предсознательное внутреннее отношение, определяющее поведение личности и принятие решений на деятельностном уровне.

Результат исследования показал, что 39% опрошенных доверяют институту религии, но только половина из этого числа (т. е. почти 20% общей выборки) собираются следовать его предписаниям, а 61% опрошенных не поставили религии высший балл по шестибальной шкале доверия (от низшей степени к высшей). Количественный результат нашего пилотажного исследования положительно коррелирует с результатом всероссийского опроса ВЦИОМа «Религия в жизни россиян» 2008 г., когда на вопрос: «Лично для вас религия в первую очередь это...» в качестве ответа «личное спасение», «общение с Богом» выбрали только 17%, а «соблюдение всех рели-

гиозных обрядов, участие в церковной жизни» — 10% опрошенных.

Исследования, направленные на изучение аттитудов — специфического образа действий, склонности реагировать в определенной ситуации так или иначе (Карпенко, Петровский, Ярошевский, 1998), проведенные в 1920-е годы Ричардом Ла Пьером, показали, что наличие определенного аттитюда не является определяющим фактором для совершения того или иного действия, в то время как тезаурус позволяет проявить не только наличие, но и степень его реализации. Белые хозяева мотелей в США, проявляя негативную реакцию по отношению к китайцам на словах, на практике дружелюбно принимали их в своих гостиницах. Факт наличия поведения, противоречащего имеющемуся у человека аттитюду, получил отражение в формулировке парадокса Р. Ла Пьера «Люди не всегда поступают так, как они говорят» (Степанов, 2005: 346–347).

В русской культуре принято считать ненадежным партнером человека, говорящего одно, а делающего другое, тем более непросто оценить подобный феномен, проявляющийся на уровне общества. Заявляемое на уровне российского социума отношение к религии не находит своего проявления на уровне повседневных практик. Формат статьи позволяет лишь обозначить проблемное поле, ограничившись предположением: если человек идентифицирует себя как православного, то он должен чем-то отличаться от представителя других христианских конфессий; если человек называет себя верующим, то он должен чем-то отличаться от неверующего, в частности на уровне повседневных практик.

Отношение к религии, к Богу является не просто личным мнением, базирующимся на определенном мировоззренческом фундаменте, но само выступает таким фундаментом, определяя модели поведения и содержание интенций. Таким образом, дивергенция между соответствием желательного (имею веру) и возможного (имею практически проявления веры) указывает на наличие латентного конфликта, порожденного кризисом идентичности. Величина наблюдаемой дивергенции позволяет представить степень задействован-

ности духовных сил общества и состояния процессов его возрождения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Моральный кодекс строителя коммунизма — свод принципов коммунистической морали, вошедший в текст третьей Программы КПСС, принятой XXII съездом (1961 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голов, А. А. (2008) Религиозность, а также что люди обретают в религии [Электр. ресурс] // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/press/2008031104.html>

Карпенко, Л. А., Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (1998) Краткий психологический словарь. Ростов н/Д : Феникс.

Нуркова, В. В. (2000) Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М. : Изд-во УРАО.

Овчаров, Д. А. (2009) Критерии соотношения понятий «верующий» и «христианин» в социологическом измерении // Диалог государства и религиозных объединений в пространстве современной культуры : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 20–23 окт. 2009 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 396–402.

Ожегова, О. А., Овчаров, Д. А. (2009) К вопросу о методологии Verstehen: прикладные стратегии исследования этноконфессиональной принадлежности // Общество и этнополитика. Новосибирск : СибАГС. С. 15–21.

Разумовский, О. С. (2000) Инварианты и «фреймы» как объективные феномены и когнитивные конструкции // Философия науки. № 2 (8). С. 34–40.

Робертс, И. Муж, употребленный Богом [Электр. ресурс] // Церковь Авеля и избранных Божьих Сынов. URL: http://www.christian.ru/index.files/Texts_pdf/MUG_Uпотреbl_a4.pdf

Рябов, А. В., Курбангалиева, Е. Ш. (2003) Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М. : Дом интеллектуальной книги.

Степанов, С. С. (2005) Популярная психологическая энциклопедия. М. : Эксмо.

Фрейд, А. (1993) Психология Я и защитные механизмы. М. : Педагогика.

Фурман, Д. Е., Каарияйнен, К. (2006) Религиозность в России в 90-е годы XX — начале XXI века. М. : Огни ТД.

Экман, У. (2002) Доктрины. Основы христианского вероучения. 2-е изд., доп. М. : Слово жизни.

GROUP RELIGIOUS IDENTITY AND THE PRACTICES OF DAILY LIFE: THE SOCIOLOGICAL MEASUREMENT OF CONFLICT

D. A. Ovcharov

(The Engels Technological Institute of Saratov State Technical University)

The article analyses the conflict of conformity of group religious identity to everyday practices.

Keywords: base values, religious identity, daily practices, spirituality, devoutness, thesaurus, the conflict of conformity.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Golov, A. A. (2008) Religioznost', a takzhe chto liudi obretaiut v religii // Levada-Tsentr. URL: <http://www.levada.ru/press/2008031104.html>

Karpenko, L. A., Petrovskii, A. V., Iaroshevskii, M. G. (1998) Kratkii psikhologicheskii slovar'. Rostov n/D : Feniks.

Nurkova, V. V. (2000) Svershennoe prodolzhaetsia: Psikhologiya avtobiograficheskoi pamiati lichnosti. M. : Izd-vo URAO.

Ovcharov, D. A. (2009) Kriterii sootnosheniia poniatii «veruiushchii» i «khristianin» v sotsiologicheskom izmerenii // Dialog gosudarstva i religioznykh ob'edinenii v prostranstve sovremennoi kul'tury : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Volgograd, 20–23 okt. 2009 g. Volgograd : Izd-vo VolGU. S. 396–402.

Ozhegov, O. A., Ovcharov, D. A. (2009) K voprosu o metodologii Verstehen: prikladnye strategii issledovaniia etnokonfessional'noi prinaldezhnosti // Obshchestvo i etnopolitika. Novosibirsk : SibAGS. S. 15–21.

Razumovskii, O. S. (2000) Invarianty i «freimy» kak ob'ektivnye fenomeny i kognitivnye konstruktii // Filosofiya nauki. № 2 (8). S. 34–40.

Roberts, I. Muzh, upotreblennyi Bogom [Elektr. resurs] // Tserkov' Avelia i izbrannykh Bozh'ikh Synov. URL: http://www.christian.ru/index.files/Texts_pdf/MUG_Uпотреbl_a4.pdf

Riabov, A. V., Kurbangaleeva, E. Sh. (2003) Bazovye tsennosti rossiian: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify. M. : Dom intellektual'noi knigi.

Stepanov, S. S. (2005) Populiarnaia psikhologicheskaja entsiklopediia. M. : Eksmo.

Freid, A. (1993) Psikhologiya Ia i zashchitnye mekhanizmy. M. : Pedagogika.

Furman, D. E., Kaariainen, K. (2006) Religioznost' v Rossii v 90-e gody XX — nachale XXI veka. M. : Ogn'i TD.

Ekman, U. (2002) Doktriny. Osnovy khristianskogo veroucheniia. 2-e izd., dop. M. : Slovo zhizni.